

Мы — дети войны

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Мы – дети войны (сборник)

«ИП Астапов»

2015

УДК 355.292.6/7
ББК 63.3(2)622.78

Мы – дети войны (сборник) / «ИП Астапов», 2015

ISBN 978-5-905379-70-3

Общество любителей российской словесности (ОЛРС) подготовило сборник статей мемуарного характера, посвящённый периоду Великой Отечественной войны. Статьи сборника представляют собой воспоминания ветеранов и участников войны; людей, бывших детьми перед началом и во время Великой Отечественной войны; в некоторых мемуарах авторы рассказывают о боевом пути своих родственников и знакомых. Все материалы книги написаны доступным для массовой аудитории языком, содержат ценную и уникальную информацию о жизни фронта и тыла в период Великой Отечественной войны. Некоторые статьи снабжены иллюстрациями: фотографиями, письмами с фронта, собственными стихами авторов. Книга рассчитана не только на старшее и среднее поколение российских людей, но и на молодёжь, которая должна знать историю своей страны и ту роль, которую в Победе сыграли их отцы и деды, погибшие на фронте для того, чтобы жили следующие поколения, или пережившие трудности военного времени: оккупацию, эвакуацию, голод... Это рассказы очевидцев, непосредственных участников всех событий.

УДК 355.292.6/7
ББК 63.3(2)622.78

ISBN 978-5-905379-70-3

, 2015

© ИП Астапов, 2015

Содержание

От редакторов	6
Вступление	7
Военные биографии	8
Н. К. Гей	8
Л. С. Салямон	19
Чего мы не знали и что понимали	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мы – дети войны
Сборник статей мемуарного
характера, посвященный периоду
Великой Отечественной войны

Посвящается светлой памяти Раисы Николаевны Клеймёновой

Составитель: *Р. Н. Клейменова*

От редакторов

Сборник «Мы – дети войны» был составлен Р. Н. Клеймёновой несколько лет тому назад, но работа над ним не была закончена ввиду безвременного ухода из жизни этого замечательного человека.

Раиса Николаевна Клеймёнова (1940–2011) – учёный секретарь Общества любителей российской словесности и одновременно директор музея В. И. Даля, кандидат филологических наук, автор книг и других публикаций об истории ОЛРС и о русских писателях. Целеустремлённость, энергия, интеллигентность и доброта Раисы Николаевны делали её незаменимым организатором и руководителем всех заседаний и других мероприятий ОЛРС. Раису Николаевну можно без преувеличения назвать душой Общества.

После кончины Р. Н. Клеймёновой сборник долгое время оставался бесхозным, пока мы, узнав о плачевном положении дел, не решили его доработать и издать. Благодарим дочь Раисы Николаевны Ирину Александровну Клеймёнову за предоставленные в наше распоряжение материалы, которые позволили нам привести сборник в порядок, отредактировать и создать электронную версию. К сожалению, среди подборки статей попались две безымянные работы, авторов которых нам не удалось разыскать, но мы всё же решили включить эти интересные статьи в книгу. Если авторы увидят в сборнике свои тексты с пометкой «Неизвестный автор», просим нас извинить за то, что мы не сумели согласовать с ними свои поправки и сокращения.

Судьба публикации сборника оказалась не самой удачной из-за финансового кризиса. Долгое время нам отказывали издательства и различные государственные организации – даже в юбилейный год Победы. Но в итоге сборник всё-таки выходит в свет, хотя и небольшим тиражом.

Желаем читателю с интересом прочесть содержательные, правдиво и талантливо написанные воспоминания ветеранов войны, их родственников и знакомых о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Редакторы сборника:

Агеева Руфь Александровна, кандидат филологических наук, заместитель председателя Топонимической комиссии Московского городского отделения Русского географического общества.

Максимов Владимир Олегович, директор Информационно-исследовательского центра «История фамилии», член Общества любителей российской словесности.

Вступление

Общество любителей российской словесности собирается с 1992 года. Вспомним, какие это были времена. Было не до словесности. Люди искали новые способы выживания. Заработные платы не платили, многих сокращали, сбережения обесценились. Телевидение, газеты говорили о каких-то банках, вкладах, акциях, пирамидах и т. п.

А мы собирались раз в месяц и говорили о Пушкине, Толстом, Бунине, о В. Дале, о проблемах языка. Нужны были деньги на организационные расходы. И мы начали собирать членские взносы. И я увидела, что у многих даже десяти рублей не было. И я тогда предложила прекратить наши заседания в связи с тяжёлыми временами. Раздался настоящий вопль, чтобы не думала совершать такую глупость. Хотя бы на заседаниях ОЛРС поговорить о высоком, о том, что греет душу, а то дома телевидение, печать, радио изо всех сил опускают нас всё ниже и ниже. Как будто кроме секса, шмоток, еды, лечения нам больше ничего не нужно. В результате мы собираемся до сих пор.

Хочется сказать ещё об одном страшном испытании для нашего поколения. Это компьютеры. В 90-е годы компьютеры начали заменять пишущие машинки. Текст для публикации надо было напечатать на компьютере и дать дискету. Денег для покупки компьютера не было. Овладеть компьютером было трудно. Просить кого-то напечатать дорого. Каждый пытался выйти из создавшегося положения как мог. Как часто на заседаниях Общества я слышала удивительные выступления прекрасных знатоков своего дела, но всё это оставалось и осталось неопубликованным, недоступным для широкой аудитории.

Среди членов Общества были ещё участники войны. И в майские праздники мы слушали их воспоминания о войне. Это А. Л. Гришунин, Чистяков и другие. И у нас родилась идея собрать воспоминания тех членов Общества, кто родился накануне войны, во время войны и после.

Р. Н. Клейменова

Военные биографии

Н. К. Гей Пути-дороги

Начну с подсказанного жизнью, сказанного не год и не два назад осенью в Переделкине. Мы с женой сидели за столом с близкими людьми, когда внучка старого моего друга и моя крестница, которой к этому времени исполнилось-то всего едва-едва три года, поразила нас репликой. Маленькая Маша, опираясь на стол и заглядывая через меня на мать и попеременно переводя взгляд, то на меня, то на неё, спросила с каким-то особенно требовательным выражением;

– Мама, а почему он такой старей?

И вопросительное удареие было сделано на этом почему? Вопрос был поставлен в лоб и обращён ко всем сидящим. И, наверно, не трудно было бы ответить, каким образом это происходит, так как много и многие годы прошли, многое прожито и пережито, время жизни и состарило человека. Но – почему?! Она словно хотела узнать причину (может быть, первопричину?), первоисточник того, что было перед ней, то есть меня седоголового, седебородого из поколения ей просто вблизи неведомого. Согласитесь, что-то не детское слышится в таком вопрошании из уст детских.

И я сам хотел бы не строить догадки по этому поводу, а знать ответ на этот вопрос, хотя бы для себя самого.

Непредсказуемо прихотливы пути памяти человеческой, и сегодня помнишь одно, завтра вспоминается другое. И в беглых заметках хочется сегодня, через многие десятилетия, хотя бы упомянуть о тех, кого нет, или о том, о чём помню я один, о ком или о чём уже некому вспомнить на земле. Огромные исторические события в одной малюсенькой точке бытия.

Отечественную войну я прошёл простым солдатом (именно солдатом, а не «солдатом» в расширительном смысле, ведь так называют любого вояку, участника боёв любого воинского звания). Я воевал рядовым (гвардии рядовым – после Сталинграда). Всю войну прошёл в отдельном разведывательном артиллерийском дивизионе на Юго-Западном, Сталинградском, 4-м Украинском фронтах. Особой привилегией батареи звукоразведки перед всеми другими родами войск можно считать возможность узнать заранее о том, что другим неведомо, когда противник обстреливал их. Дело в том, что инструментальная звукоулавливающая аппаратура позволяла нам получать сигнал о произведённом где-то далеко за передовой линией выстреле 107-мм немецкой пушкой, сейчас уже точно не помню, но примерно секунд за тридцать-сорок до разрыва этого снаряда рядом с нашим автобусом, непосредственно в нашем расположении. И тогда начиналась своего рода дуэль: мы определяли координаты и засекали стреляющую немецкую батарею, а она стремилась, но по переменчивой военной удаче не успевала разделаться с нами до ответного прицельного огня с нашей стороны батареей 152-мм пушек-гаубиц.

Начну с предваряющего события на своём пути, которое подобно двум-трём решающим событиям, назовем ВСТРЕЧЕЙ. Вся дорога моя по жизни могла от этой встречи пойти совсем по-иному и привести меня в места весьма отдалённые.

Можно назвать эту «встречу» и очень маленьким, совсем-совсем маленьким чудом. Но оно входило в мою жизнь. В известном, с лёгкой руки Юрия Трифонова, «доме на набережной» я перед человеком без милицейской формы, однако полувоенного вида. Он строг, обременён инструкциями и параграфами жизнеустройства к нему приходящих, однако подчёркнуто индифферентен, но в меру внимателен. Он намётанным взглядом видит во мне сына врага

народа, репрессированного в этом самом доме на десять лет без права переписки. И следом за ним и мать – на восемь лет. И вот уже без них мне исполняется шестнадцать. И теперь мой черёд предстать перед недрёманным оком. Служебное помещение выдержано в общем стиле строго делового комфорта. Я пребываю в ожидании, когда сидящий за письменным столом внезапно поднимает глаза прямо мне в лицо. Затем жест бессловесный для меня, вроде как **начнём, пожалуй**. Протягиваю зажатое в руке метрическое свидетельство, мысленно готовясь отвечать: кто такой? Зачем пожаловал? Встречный взгляд подчёркнуто безразличен ко мне, но предельно бдителен к делу. Действо вершится в каменной тишине безукоризненно отточенно: мой ветхий документ уверенно крепкими пальцами расправлен на толстом стекле под ярким пятном настольной лампы, потом поднят на просвет, потом поворот всем корпусом направо к картотеке, почти не глядя – попадание в нужный ящик, ловко, словно заранее заготовлено, выхватывание нужной карточки, затем возвращение себя в исходное положение, твёрдое постукивание пальцами по стеклу по-над разграфленным крупноформатным листом, похожим то ли на расписание (куда? когда?), то ли на «прейскурант» (что и почём полагается?) и ещё один поворот ко мне – небольшая как бы фотографирующая выдержка прицельно прямо в меня неподвижными глазами (будто сам на фотографии для документа), но так, что, кажется, не видя меня, решает что-то для меня недоступное, впрочем, может быть, даже не обо мне, а о себе, что-то к нему относящееся; тяжёлый взгляд куда-то, где меня просто нет (ни здесь в комнате, ни вообще в природе). Да так оно и есть: собственно, что ещё от нас надо этому несурзному подростку?

...и тут же броском вскакивает – чёткий поворот и чуть ли не строевым шагом в соседнее помещение. Исчезает за дверями...

...и зачем бежать к начальству по вопросу выеденного яйца не стоящего, по параграфам свинцовым распisanного? кто знает... да может и не обо мне вовсе? что я им?!

Но пребывание странного моего ходатая (или наушника) за закрытыми дверями принимает надлежащий вид по спешному возвращению его и невнятного распоряжению исполнительницей секретарше. Затянувшаяся пантомима выдачи справки для получения паспорта. С ней я и пойду в паспортный стол уже не по нынешнему, но навсегда покидаемому месту пребывания в крепостном доме-квартиле с кинотеатром «Ударник» у Малого Каменного моста, а прямой дорогой направлюсь в обшарпанный подъезд Красногвардейского районного отделения милиции, где мне будет выдан на общих основаниях одногодичный паспортный листок, как у всех допризывников, и в первую голову для прописки у моей тётки на Подсосенском.

Кстати, об «Ударнике». В огромном, тем более по тем временам, трубовиднокуполообразном зале мы с братом смотрели чуть ли не первый для нас звуковой кинофильм с загадочным для понимания обозначением «Встречный» и коллизиями для нас не очень интересными, но по воздуху разлетелось бодрое, весёлое по-весеннему, подхватывающее: Вставай не спи, кудрявая, навстречу дня – привольно-зазорное... прямо вставай и иди маршируй за горизонт...

Это вам не «Москва—Черёмушки»...

Незадолго до войны и уже не в «Ударнике», а наверно, в «Колизее» – «Большой вальс», правда, из времён Франца-Иосифа, но с таким мальчишеским ознобом по коже от идеально очаровательной Карло Доннер.

Пакт, заключённый осенью 1939 года, своей неожиданностью ошеломлял, хотя, казалось бы, можно было ждать и вздоха облегчения перед отодвинувшейся опасностью. Но по общему настроению в Москве вряд ли такое предположение кого-нибудь могло сбить с толку. В «Колизее» на Чистых прудах теми осенними днями в ожидании начала киносеанса в довольно плотном людском окружении можно было услышать сказанные громко слова вопреки всему, что

война с Гитлером неминуема, и даже о том, что напрасно нам ждать, пока, подготовившись, Германия её начнет.

Собственно говоря, трагедия общей ситуации в том и заключалась, что возможности выбора между войной и миром на самом деле уже не существовало, и соперничать приходилось в превентивности нападения одной из затаившихся сторон.

О том, что войны не миновать, мы с моим школьным другом Юрием Потехиным, не раздумывая, знали, даже не интуитивно, а как знает, например, жарким сентябрьским днём лес о приближении ненастья и холодов со снегом.

Что это произойдёт летом надвигающегося на нас года сорок первого, мы услышали зимой от отца Потехина, вернувшегося очень не в духе с какого-то закрытого партийного синклита, где предупреждение об этом прозвучало очень серьёзно.

До этого нам довелось слышать от него окопную правду о безысходных и тягостных позиционных боях в непроходимых болотах армии Самсонова прошлой мировой бойни. Нам, тогдашним десятиклассникам, эта прошлая война мало о чём говорила, потому что и дух, и техника, авиация, танки, артиллерия, как представлялось, для того и существуют, чтобы ответить сокрушительным ударом по врагу. И даже в первые недели войны, несмотря на неизвестность для рядовых москвичей реальности начавшейся для нас катастрофы, хотелось верить каким-то смутным слухам о прорыве ударных наших частей на Кёнигсберг и чуть ли не на Варшаву.

Год тысяча девятьсот двадцать третий, к которому мы с Юркой принадлежали по рождению, по космологическим и солнечным таблицам и выкладкам А. Л. Чижевского получался более чем благоприятным в мировой истории за несколько последних столетий. Однако по послевоенной статистике выяснилось, что попавшие на фронт представители поколения этого самого двадцать третьего в подавляющем числе не вернулись с войны: слишком невыгодными были условия для них в сравнении хотя бы с теми, кто был призван позже, или даже с теми, кто начал воевать 22 июня, получившими уже какую-то подготовку и воинскую специализацию.

Весной сорок первого часто можно было видеть по подъездам наших сверстников. У завсегдатаев таких сходок потрёпанные кепки на заливчатский манер, курят с фасоном, подчёркнуто не смотрят навстречу хрусткому по льдистому узорочью приближению пальтишек-размахаек подружек-модниц, а потом вдогон уходящим прочь от папиросных зигзагов в подъездной нише:

– Эва, чёртушки, какие!
– И никто не пригреет.
– Неужто не догадается?

И тут же смена пластинки, как говорится, из другой оперы с издевательски-вызывающей подноготной, да пойдя, не ухватишь:

Цыплёнок жареный,
цыплёнок пареный,
цыпленок тоже хочет жить...

Топ-топ-топ подошвами о выщербленную плитку:

его поймали, арестовали,
велели паспорт показать...

Парни из одного подъезда дома на Подсосенском.

А чуть больше года спустя случай сведёт меня с такими же сверстниками-земляками в жаркое лето под Котлубанью в кроваво-дымном закате. Выжженные до белизны гимнастёрки и пилотки и бурые, тёмные, запылённые, задымлённые лица пареньков у колодца на околице без домов. У одного из них, бедового, котелок с дужкой на привязи к брезентовому ремню в руке.

Его нетерпеливо спрашивают: ну, что там? – кто-то из тех, кому с наступлением темноты идти за выжженный холм на линию автоматных очередей и минных хлопков над гарью воронок и смрадом от бомб и снарядов.

– Душу вынимает. Гад! На двести метров не продвинулись. С утра выбивает под ряд на выбор. Лежим в степу. Головы притулить некуда! Молотит, будь здоров. От батальона и осталось, – показывает рукой на спутников в почерневших, местами окровавленных бинтах, по очереди перенимающих котелок друг от друга, – поскрёбыши одни.

– Теперь куда?

– Куда-куда... за кудыкины горы. Оставь, друг, сорок, – басит степенно, как оказывается – мой земляк с Разгуляя.

– А Гжатских нет? А с Гурьева?

– С Гжатска-то? Кажется, один был, да весь вышел.

Бывалый паренёк передаёт сигарку, вернее, что от неё осталось между прокуренными пальцами, напарнику, и в благодарность за обжигающую затяжку баритонит: Хорош табачок, – и опрокидывает остаток воды из котелка на лицо и голову, отходит от колодезного устья без сруба:

– Пошли, братва...

И такие же, как он, хромая и кособочась, несут бедовые головушки новым бедам навстречу...

Пыль на зубах и привкус полыни.

Котлубанские ночи.

Арчадинские пески...

Но куда война ещё впереди, и для меня, и для Потехина. Война разведёт нас, одного – на Донской, Сталинградский и Юго-Западный фронты, под Котлубань, Гумрак и Молочную; другого – в вымирающий Ленинград, на Волхов, под Ораниенбаум, и останется нам переключка треугольниками и открытками со штемпельками военной цензуры. Пока не оборвётся...

Все мы жили, зная, что войне быть...

И всё-таки ждали не войну, а ждали наступления взрослой и почему-то если и не обязательно счастливой, то разумно направленной жизни. Неизлечимы души прекрасные порывы.

Сорок первый был годом идущей в Европе, продолжающейся после падения Парижа войны. Прошло полгода каких-нибудь, как слова Неистового Виссариона, Белинского, означенного в скобочках, реяли на кумачовом полотнище над Арбатской площадью, выставленные на всеобщее обозрение и отданные на растерзание новогодним ветрам: завидуем внукам и правнукам нашим, которые будут жить в 1941 году! – в виде пророческого поздравления.

Я вспомню о них, так оптимистично реявших в самый первый день того самого года, но полугодие спустя двадцать второго июня в фанерном домике летней дачки в Расторгуеве, ещё не обжитой и пустой, и звучали они теперь в моём мозгу зловеще многозначно.

Накануне я и брат мой оказались раньше законных обитателей этого рыжепегого домика-дачки, не обжитой после зимнего сезона. Приезд наших двоюродных братьев (как мы именовали друг друга), примерно такого же возраста, как мы с Алексеем, ещё только предстоял на следующий день – то есть, таким образом, приходился на то самое воскресенье, которое тем самым для нас ещё не стало пока.

И ночь с субботы на воскресенье, разорвавшее уклад жизни на до и после, была сама по себе не слишком тёплой и не слишком уютной в непрогретом «скворечнике». И после ночёвки на дощатых топчанах мы не могли согреться на солнышке пополам с облаками.

Думалось с надеждой, что в окружении тихого утра вот-вот произойдёт перелом, воздух потеплеет, повеет первоцветом, солнце поднимется, встанет высоко, приглашая к новому летнему сезону. Но кругом под сероватым невыразительным небом странная, как казалось тогда (теперь надо было бы сказать – страшная) тишина. Мы ещё и не подозревали ничего особенного в этом молчании неба и земли кругом, а время уже по-новому повело свою летопись в годовых кольцах стоящих у калитки и к беде прислушивающихся берёзок.

Расторгуевское время тянулось и тянулось замедленно и беззвучно, словно во сне. Ожидаемое появление братцев отодвигалось с часу на час. Скарятинцам полагалось давно уже прибыть, а, возможно, и вместе с нашей общей тёткой, после её больничного дежурства на Соколиной горе. И мы с Алексеем невольно становились дачными Робинзонами. Ничто не напоминало о прошлогодних летних днях и вечерах с самоварными дымками и отдалённым патефонным: эх, Андрюша, нам ли жить в печали... или

– Сашка, ты помнишь наши встречи, каштан в цвету...

Каштана на том дачном участке не было от сотворения мира, как, впрочем, и во дворах довоенной Москвы, в том числе на Пятницкой, где в глубине одного такого двора за каменными рослыми домами – деревянный двухэтажный с печным отоплением, где я бывал у Потехина, когда Лемешев или Козловский служили постоянным подом препирания между нами, а иногда и Маяковский – за и против. Словом, главное, наверное: смысл жизни прежде всего в том, что мы есть, и что мы есть, чтобы жизнь сделать лучше.

Спасаясь от неприкаянности почти пустого Расторгуевского посёлка, Алексей собрался сходить на станцию, полагая, коли повезёт, встретить на платформе братцев, которым было время приехать. Расстояние до станции невелико, но заслышав очень скоро хлопок калитки, гораздо раньше, чем это можно было ожидать, я поднял голову, всё-таки ожидая успешного возвращения брата вместе с теми, кому надлежало приехать.

Но с вернувшимся братом в жизнь вошла неотвратимость, означенная сразу одним словом: война. Слово, ежедневно мелькавшее по газетам, по радио, с экранов и в каких-нибудь повседневных речениях, вдруг стало каким-то бритвенно-режущим, на немецкий лад каркающим: *Krieg bis aufs Messer* «война не на жизнь, а на смерть». Оно перестало быть словом. Мы ещё и не подозревали ничего особенного в этом небе, земле и в этом притихшем времени кругом нас и в нас самих, а оно уже по-новому повело свою летопись в годовых кольцах прислушивающихся к этой тишине берёзок. А в газете, принесённой со станции, не было и намёка ни о какой войне, ни одного упоминания этой вокруг набрякшей реальности. Ни слова о том, о чём в Кремле уже знали в три часа ночи, и что обрушилось и навалилось гнетущей тяжестью.

Назавтра рано поутру завоют сирены и загудят гудки, будет в Москве первая воздушная тревога. На Подсосенском у входа в подвальные помещения бомбоубежища встревоженное скопление жильцов со всего шестиэтажного многоквартирного здания. А пока, до завтрашнего утра, ещё мирно-мрачное закатное небо над пригородным составом с чёрным паровозом под султаном яркордянного дыма, подсвеченного через сосновые маковки, доставленного с братом и с тёткой, приехавшей за нами из Расторгуева в Москву. В долгом летнем полусвете вагона, переполненного непривычным молчанием едущих, она говорит под стук колес:

– Отцу твоему, как тебе сейчас, было восемнадцать, когда в четырнадцатом началась та, первая – вздыхает сокрушённо.

Под дымными тяжёлыми клубами дачный состав подают на непривычно приглушённо тёмный с редкой синей подсветкой Павелецкий вокзал, с которого шесть месяцев спустя только с товарных путей под открытым небом, под небом со сторожевым прожекторным обшариванием, в солдатской амуниции мне придётся в морозном мраке отправляться эшелонам из теплушек и платформ на фронт под Новый Оскол на Харьковско-Белгородский его участок.

Война. Мои бывшие одноклассники и я сам в июле уже получаем призывные повестки, но в отличие от них меня вызывают из построения в две шеренги с вещевым мешком за плечами

и краткое определение: до особого (печать неблагонадёжности на не прошедших через чёрные списки смерща).

В Москве в первое время ещё можно видеть маломощные зенитные батареи на центральных городских площадях и даже счетверённые пулемётные установки на крышах казарм и воинских учреждений (неэффективные по дальности и против быстро над самыми крышами мелькающими «Юнкерсами» – видел сам); но это только до той поры, пока не появились неуклюжие серебристо-серые, как надувные игрушки, аэростаты воздушного заграждения. Они окопались на бульварном кольце, на скверах и пустырных городских площадках, чтобы преградить снижение самолётов для прицельного бомбометания, а удобные огневые позиции заняли дальнобойные морские зенитные орудия, от каждого залпа которых в округе сотрясались стены домов.

Сколь скоро военкомат проявлял ко мне устойчивое нерасположение, я решил пока суд да дело подать заявление на первый курс Литинститута.

И с нетерпением ждал поближе уразуметь, что же творится в мире и теперь с нами происходит, и постичь не превосходство воинской силы, которого не было, а закон победы, сомнения в которой было смерти подобно, а в сводках «От советского Информбюро» сообщалось о сражениях поначалу – на дальних, а потом уже и ближних подступах к столице с разбитыми бомбами корпусами Университета на Моховой и Большого театра, с камуфлированными стенами зданий и москворецкого канала охрой крашеными подобиями крыш несуществующих кварталов, что меняло всю близлежащую к Кремлю конфигурацию местности.

На краю Арбатской площади страшновато склонённый Гоголь. И тотчас нарастающий взрыв с неба и тяжёлый удар-грохот-взрыв. Взрыв сотрясает строения округа, дома на Сивцевом Вражке и даже на Неопалимовском. Рушится застеклённый ангар Арбатского рынка и вместе с ним дом в семь этажей, с кафельным фасадом, дом у Арбатской площади с уникальной Лосевской библиотекой, в которой испепелена дотла редчайшая коллекция книг по античности, философии, эстетике.

И хотя самое главное, смысл жизни нельзя выразить словами, но он должен быть, без этого не стоило бы и жить. Смысл существования всё-таки существует, несмотря на войну и бессмыслицу всего происходящего, и догадывался где-то в самой глубине, в недрах самого себя, что в противном случае мир не мог бы существовать, хотя это как раз и надо доказать.

Итак, столица превращена в прифронтовой город. Театр военных действий перемещался из-под Волоколамска и Клина под Химки и Тучков. А литинститутские коридоры и подоконники с котелками, ремнями, фляжками бойцов истребительного батальона, занимавшего часть герценского особняка, стали напоминать скорее воинское, нежели учебное помещение. На самом видном месте маленький трофейный немецкий миномёт, откуда-то чуть ли не из-под Крюкова. В таких декорациях на продолжавшихся лекциях и занятиях очень энергично с пафосом говорилось как о залоге нашей победы об ахейцах и троянцах – почтенным профессором С. И. Радцигом, распевно декламировавшим Гомера, а на следующих занятиях с угрожающим видом историком Бокщаниным, подкреплявшим свои доводы рассказом о Фермопилах.

В этом семестре у Л. И. Тимофеева творческий семинар по поэзии, а по совместительству занятия и с прозаиками, на одном из которых мы обсуждали рукопись беллетризованной биографии Клода Дебюсси. Не помню фамилии этого несколькими годами старше меня студента или слушателя писательских курсов. И как ни странно, именно неспешные в ранних сумерках отрешённые, казалось бы, от событий занятия-собеседования с Л. И. Тимофеевым в городе, можно сказать, осаждённом, стали самым действенным лекарством от мучительных раздумий и вопросов о происходящем за окнами приземистого писательского особняка. Прежде всего, тому способствовал сам руководитель семинара, спокойно восседавший чуть с краюшка торцовой части стола в простом суконном френче, большеголовый, круглолицый, с негромким, уверенным голосом, с находчивыми доводами, с полуулыбкой, местами с лёгкой иронией, однако,

падающей самолюбие обсуждаемого автора. И становилось как-то спокойно от сознания, что так вот и должно быть.

А насколько было непростым и суровым это время, свидетельствует и сам Л. И. Тимофеев, записывая в дневнике:

«Итак, крах. Газет ещё нет. Не знаю, будут ли. Говорят, по радио объявлено, что фронт прорван, что поезда уже вообще не ходят, что всем рабочим выдают зарплату на месяц и отпускают, и уже ломают станки. По улицам всё время идут люди с мешками за спиной. Слушаю очередные рассказы о невероятной неразберихе на фронте. Очевидно, всё кончается. Говорят, что выступила Япония. Разгром, должно быть, такой, что подыматься будет трудно...

Был на улице. Идут, как всегда, трамваи. Метро не работает. Пронесутся машины с вещами. Множество людей с поклажей. Вид у них безнадежный... Зашёл Шенгели. Он остался. Хочет, в случае чего, открыть “студию стиха” (поэты всегда найдутся!). Договорились работать вместе. Проехали на машине с ним по городу. Всюду та же картина... Были на вокзале. Никто не уехал: евреи, коммунисты, раненый Матусовский в военной форме...»

Чтобы завершить сюжет, скажу, что чуть позже, когда положение в Москве стабилизировалось, но ещё до декабрьского разгрома немцев на подступах к городу, мне довелось сдать первый вузовский экзамен, как раз Георгию Аркадьевичу Шенгели.

И теперь, читая строки Л. И. Тимофеева:

В чьих-то душах, в чьих-то снах,
Где-то – след моей улыбки,

вспоминаю, как позже, уже на фронте после Сталинградского окружения армии Паулюса, но до прорыва Турецкого вала на Перекопе, на мой прозаический опыт, посланный из армии на кафедру творчества, из Литинститута пришла рецензия Л. И. Тимофеева. И я расслышал добрую чуть улыбочатую интонацию адресанта по поводу белых питонов фронтовой позёмки, покачивающих по сторонам приподнятыми головами в моём сочинении.

Чему быть – того не миновать, гласит народная многоопытная пословица. И всё-таки, чему быть – не слепая предназначенность, но ещё и «Случай, бог изобретатель», и моя свободная воля и мой собственный выбор, даже если выбираю не я, а выбирают меня. И как выше было условлено – вот ещё одна встреча человека со своей судьбой.

...немецкие мотоциклисты в Голицыне, Рокоссовский мечется по заснеженным пустырям под Химками (тогда ещё московским пригородом), среди разбитых сараев и домов, амбаров и бань, за бревенчатыми стенами для прикрытия от осколков мин и шальных пуль. В отчаянном броске посылает он и легкораненых, и поваров, и связистов, и писарей, и санинструкторов, и кладовщиков, и парикмахеров, а за ними бездельников музыкальной команды, нач-зам-пом-хим-фин-хоз начальников и прочих, прочих без разбора взахлёб боя; вызывая в трубку кремлёвской спецсвязи о помощи, слышит бесполезные обещания и ещё более бесполезные угрозы расстрела (когда смерть и без того дудит и свистит в уши) и радуется случайно подвернувшемуся хилому подкреплению.

...и в те же сроки, может быть, в то же химкинское утро тех критических дней, ничего не подозревая о реальной обстановке и боях на окраинах городских и на подступах к городским кварталам, я попадаю в военкомат. Неоднократно туда вызываемый и ранее и отпускаемый всякий раз ни с чем – до особого, на сей раз прихожу без вызова, без повестки в руках, можно сказать, с пустыми руками. Красногвардейский военкомат, расположенный в бывшем дворце всяких там сиятельно-вельможных Разумовских, после авральных недель массового призыва, сумрачен и пуст. Он встречает меня невзрачными насквозь затоптанными коридорами, и только в отдалении по такому коридору стол дежурного за стойкой с отсветом от

поверхности стола под лампой. Пустырно, темновато, грязновато – всё это производило впечатление, говоря по-старому, заброшенного присутствия. Но оно присутствует. Оно на своем месте, несмотря ни на что и функционирует в круглосуточном режиме вопреки всему.

В пустынном коридорном одиночестве этого помещения столь же нескладно выглядели мои невразумительные объяснения дежурному лейтенанту о моём неведении, дескать, не знаю, вызывали ли меня или нет очередной повесткой, что в коммунальной квартире невозможно однозначно установить факт наличия бумажной этой субстанции, соседка сказала, что вроде бы приносили, но такая повестка могла и завалиться, а, возможно, то ошибка памяти престарелого человека. Не дослушав моих косноязычных длиннот, усталый, в собственных ночных ещё мыслях лейтенант с кубарями в петлицах, явно не полагаясь на успех, похлопывает рукой по одному, потом другому скоросшивателю. Наобум шерстит какие-то листки, бумажки в разрёпанном гроссбухе, наугад пробегает попавшийся список, переводит взгляд с моего приписного свидетельства, которое перед ним, и на меня, стараясь понять, как поступить: я не был добровольцем, хотя и пришёл к нему по доброй воле, но и не имел повестки со строгой регламентацией всех последующих операций в этом случае... кроме того, ему не могла не приходиться на память инструкция с предупреждениями о бдительности по отношению и к отлынивающим от призыва, но также и о злонамеренных элементах, в создавшихся условиях готовых попасть на близкую передовую, чтобы передаться на сторону противника. Да и фамилия у стоящего перед ним не такая уж благонадёжная.

...дежурного лейтенанта, может быть, вовсе и не занимали предположения и соображения подобного рода. Но, как бы там ни было, в сердцах матюгнув непосильные ему затруднения, решил он от греха подальше доложить военкому. А тот по-суворовски, с солдатской прямоотой рубанул сплеча: чего ты голову морочишь – полку твоего прибудет, а там на сборном пункте разберутся, командуй – с вещами... шагом марш! И дело с концом.

На сборном пункте в типовом здании школы, построенном по стандартам воинских или госпитальных надобностей, будущий рядовой, оболваненный тут же под-машинку, проводит длинные-предлинные бездельные часы, короткими тёмными ноябрьскими днями и томительными ночами при невыключаемом прямом жёлтом электрическом свете на полу бывшего класса без парт. Обстановка напоминает нечто среднее между вокзалом и птичьим базаром. Отовсюду прибывает с бору по сосенке пополнение для маршевых рот, для фронтовых частей и команд. Выхваченные поодиночке, кто откуда попал, не ведая завтрашнего дня, а впереди сколько их ещё будет? и каких? может быть, пронесёт, а, может быть, раз-два и обчёлся, и даже – кому до ордена, а кому до вышки. И, как то бывает при хаотическом множественном скоплении в силу случайностей или-или, орёл-решка, слепая прихоть злой обезьяны, когда всё может быть...

...а ты, честный Ваня, дурак-дураком ещё берёшься если не спорить с волей провидения, рока, судьбы, то вносить уточнения в волю случая (притом для тебя счастливого!). И стоило бы тебя проучить за это, когда пришёл твой черед стоять перед «покупателем» (по здешней терминологии), вызывающим лиц со средним образованием для отправки на фронт в составе формирующегося артиллерийского подразделения.

Удовлетворённый проведённой со мной краткой беседой, военный со «шпалой» затянулся дымком из трубочки, совсем как толстовский севастопольский вояка или шёнграбенский Тушин, и промолвил: о'кей, собирай вещички (сказано с юмором) в путь-дорогу. Но в рассуждении не подвести такого славного артиллериста, да и себя, как что-то скрывающего, ты, повернувшись от двери, сообщаешь о репрессированном отце. И тут же клянёшь себя за глупое поведение, особенно при мгновенной смене добродушной капитанской благожелательности на невысказанное, на лице написанное: я тебя, дурня, спрашивал? Кто тебя за язык тянул? и рукой махнул: иди, мол, с глаз моих долой...

Но то ли не было времени искать замену или во всеобщей сумятице капитан позабыл это сделать, или, будучи не из тех, кто не нюхал пороха, а знал почём лихого и кто чего стоит под бомбами, так или иначе он оставил меня... вновь тебе повезло...

... и сколько было таких ВСТРЕЧ, таких случайностей-нечаянностей в твоей жизни. Такие миги стали «нечаянной» твоей жизнью на земле... в которой было место и немецким автоматчикам, неизвестно откуда взявшимся в тыловом селении... и бомбам из ясного неба без звуков и гуда самолётного приближения, без привычного предупредительного разногласного оповещения «воздух!!» или снаряда, нырнувшего в крымскую землю сухую и твёрдую рядом с тобой, но от сокрушительного этого удара ставшую волнистой податливой массой... да мало ли, сколько ещё приходилось ведомых, а ещё более неведомых случайностей.

Расскажу, коль к слову пришлось, случайность в известном смысле всем случайностям случайность, скорее кинотрюк, чем фронтовая повседневность. Но кругом не было тогда ни режиссёрского, ни операторского глаза и почему-то пусто, словно все попрятались по окопчикам и укрытиям от нашего бэзэровского (батареи звукоразведки) вёрткого штабного типа автобуса ГАЗ-АА. И было это на передовой. И среди бела дня. Разворачиваться на боевом рубеже мы выезжали, как правило, под покровом темноты, или в плохую погоду, в условиях плохой видимости. А тут срочно, с проклятиями и угрозами чуть ли не под расстрел. Под ярким солнечным светом, невзирая на «раму», (немецкий разведывательный Фокке-Вульф), а может быть, благодаря (как выяснится дальше) именно этой «раме» или по шофёрской оплошности на мало приметных степных колеях, но мы выскочили на стрелковые окопы, до которых было рукой подать. Огневые рубежи нашей пехоты, а в отдалении передний край немецкой обороны и наш автобус перед ним, как на ладони!

Автобус норовисто запрыгал по колдобинам минных воронок и снарядов. Вся местность прочёсана огневыми налётами вдоль и поперёк. И с секунды на секунду остаётся ждать прицельных залпов. Тряской кузова приглушена близкая пулемётная очередь, но по предельно обострившемуся наитию все сидящие в автобусе понимают разом: это от нас к немцам...

А теперь жди ответа. И по пулемётной огневой точке, а может быть, прежде по явленной лакомой, можно сказать, цели на открытом хорошо обозреваемом пространстве.

– Назад! Поворачивай! – кричим мы Рыбину, растерянно вертящему баранку – Гордей! К немцам угодим сейчас!

Но кругом мёртвая тишина, более страшная своей непонятностью, чем ураганный огонь.

И пошло нас мотать и подбрасывать, трясти и швырять, и за окнами земля пошла то вверх, то вниз и была она уже совсем на себя не похожая бурая, красноватая, пересохшая и закалённая и вся – нам выдавшим виды – непривычная от сплошных оспин-воронок поменьше от мин, побольше от снарядов небольшого калибра, а далее – от ковровых бомбёжек с воздуха.

Это рубежи на Молочной. Здесь за день бывало до тысячи самолётовывлетов над нашими головами, одна из отчаянных немецких попыток прикрыть Крым и Приднестровье от натиска наших фронтов.

Вернёмся к прерванному рассказу, к мгновениям, объяснившим, наконец, всё происшедшее с нами, когда шквальный грохот и гул, нарастая, покотился над нами и низко идущие штурмовики «Иль», внезапно вынырнув, понеслись на бреющем полёте и далее, ещё ниже прижимаясь к земле...

И тут началась потеха, когда они принялись обрабатывать немецкую передовую реактивными снарядами, бомбами и пулемётными очередями перед тем затаившегося противника, оповещённого об их приближении и поэтому, наверно, принявших наш автобус за «обманку» для обнаружения их системы огня.

И другой, по времени даже более ранний случай. Это ещё на Миус-фронте, под Ростовом.

Раньше чем ухватить приближение опасности и её происхождение – над снежной поверхностью увала, чуть ли не на самой границе с небосводом выскакивает огромный, так низко он

возникает, вихрем несущийся навстречу «Мессер», и первая мысль: подбитый? и ощущение, что он врежется сейчас прямо в тебя. Но остроносая махина ураганно проносится со стрекозиным злобным звоном. И хочется представить в ту пору ещё невозможное, что причиной тому – гонящийся за ним ястребок. Но никого больше нет. «Мессершмит» в крутом вираже, задирая остроносый фюзеляж и распластав сточенные крылья, ревя форсированными оборотами, с угрожающе нарастающим тонким визгом снова нацеливается на одинокого звукометриста; наклоняет посверкивающий нос и бухает, как из бочки... И несущаяся, словно вскачь, снежная трасса смертоносной очереди, и одновременно в мозгу осознание происходящего: это по мне?! И ни ложбинки, ни окопчика, ни какого-нибудь укрытия – кругом снежное раздолье.

И оглушая, стервятник проносится над головой: хорошо бы зарылся носом в землю, но истребитель, натужно ревя, вновь принимается за прежний манёвр – и не укрыться в раздольном поле! – а при развороте отчётливо в солнечном освещении видна голова немецкого аса в шлеме и очках-консервах. Снова карусельно круто наклонившись, хищно поводя фюзеляжем, он как под горку бросается вниз, словно пока ты существуешь, твоему гонителю нет места на земле. Он готов рисковать и машиной, и собой, лишь бы истребить тебя, как гниду. Спасительно заступив за случайный столб с чашками изоляторов без проводов, ты в тот же миг отскакиваешь в снег от сквозного сверху вниз удара пулемётной очереди слёту и тут же сухого треска раскалываемой смёрзшейся древесины на уровне твоей головы. Твои одиночные винтовочные ему вслед выстрелы как бы так и остаются при тебе, брошенном в чистом поле.

И всё-таки я знаю про себя и для себя, что моя явленность в этот мир не просто так от нечего делать, нечаянно и потому бессмысленно; вернее сказать, бессмысленное существование невозможно, пусть не дано сформулировать, почему и зачем, но зачем-то я есть... Если в мире и происходит жизнь, живая клетка, организм случайно и нечаянно, то это никак не предполагает бессмысленности этого существования, а скорее напротив...

И не имея нужных слов для ответа, я знал сам ответ несомненный и положительный, что смысл жизни, не только моей жизни, есть и он несомненен в неизмеримо большей степени, чем эмпирическая фактография самой жизни.

Человек – это существо, которое верит, хотя бы в науку или в то, что ни во что не верит.

– Моих поведёшь! Смотри не подкачай... а мне, видать, в другую сторону, отвоевался... – это раненный ротный про себя. И смотрит настороженно, последним взглядом на живого, молодого, поди, заговорённого от пуль и мин.

– Красная ракета с КП, понял? – и пошёл! и будет потехи тебе по ноздри!

Всем и каждому в батальоне ведомо, сколько раз поднимались редкой чередой маскхалаты и, пригибаясь, бежали, шли, ползли к той самой Ивантеевке, что надлежало взять, может быть, и без особой такой нужды – захолустный населённый пункт. Приказы не обсуждают! а начальству виднее, что к чему. Никому не дано умничать – и оставались на грязном снегу тут же заснеженными буграми.

И вышел срок, и черёд тебе, младшему лейтенанту ускоренного выпуска Златоустовского сапёрного училища, после проделанной работы по проходам в минных полях, отправив своих орлов под началом старшины восвояси, самому, разгребая на ходу снег, бежать с пехотной братвой вперёд.

– Вперёд! – кричит уже не он, а в нём, может быть, ему одному слышимое: – За мной, славяне!

А вечером в штабном блиндаже по трафарету: ваш сын Потехин Ю. Ф. пал смертью храбрых в бою на Волховском фронте, отдав жизнь за нашу советскую Родину. Вечная слава (но не вечная память) павшим...

Фанерная звёздочка-самоделка и чернильным карандашом надпись на веки вечные под вьюгой, и ливнем, и солнцепёком:

ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ ПОТЕХИН ЮРИЙ ФЁДОРОВИЧ

И далее от руки – наскоро совсем неразборчиво о подвиге беззаветной преданности отчизне.

А солдаты отправят надписанный старшиной бесхитростный треуголок отцу и матери о молодом командире, не унывавшем и смелом во главе пехотной роты, наступавшей на деревню, в которой не пели петухи и не брехали собаки, но тарахтели немецкие автоматы-поливалки и чётко долбил немецкий MG. И всё-таки бегущие в атаку добежали до немецких окопов на окраине Ивантеевки, попрыгали в траншеи, оставленные противником. И новоявленный комроты в трубку кричал: подбросить огурцов, а ему в ответ – об израсходованном боекомплекте и приказе «пятнадцатого».

Тогда-то из просинившего неба и грянул залётный клеймённый номером – пятьсот пять триста тридцать третий и литерой «R», на тебя заготовленный чей-то подарочек, насмерть убивший верного друга моего и побратима.

Али тесно было ему в небе высоком?

Или места другого не приглянулось в поле чистом?

И вот ему, сверстнику моему и другу, лежать в земле, а мне жить и доживать. И всё, что было со мной, и было вопрошанием бытия.

А жизнь человеческая и есть разговор с Богом.

Жизнь каждого из нас.

Москва, 2011

Л. С. Салямон

На подступах к великой теме

Леонид Самсонович Салямон (1917–2009), доктор медицинских наук, онколог-экспериментатор, автор многих статей по медицине и монографии «Рак и дисфункция клетки» (1972), не теряющей с годами своего научного значения; а также многих статей, посвящённых другим областям человеческих знаний и деятельности: истории науки, психологии творчества, экологии, филологии; а ещё переводчик стихотворений Р. М. Рильке и других европейских поэтов и автор собственных стихов, провёл в действующей армии во время Великой Отечественной войны более трёх лет, начав её 5 июля 1941 года.

Он был призван во флот из аспирантуры медицинского института, но не врачом и офицером, как все выпускники-медики, а рядовым, потому что по слабости здоровья в годы учёбы был освобождён от занятий на военной кафедре и служил в команде тральщика «врачом-краснофлотцем в должности военфельдшера». Тральщик – это судно, предназначенное к тому, чтобы специальной сетью (тралом) вылавливать немецкие мины из вод Финского залива и освобождать нашим судам пути передвижения. Переоборудованный из деревянного рыбацкого судна, тральщик этот, ничем не защищённый, побывал и под бомбёжками, горел, тонул, но, бог миловал, до зимы, когда Нева и залив заледенели, просуществовал без больших потерь. А Леонид Самсонович получил зимой 1942 г. назначение, соответствующее его медицинской специальности, в эпидемиологическую лабораторию в Кронштадте, там и служил до осени 1944-го, когда был отозван в аспирантуру Военно-морской медицинской академии.

Война навсегда осталась для него особым временем – и в истории страны, и в жизни поколения, и в его собственной жизни. И он всегда хотел написать о ней так, как увидел её и запомнил, но не успел осуществить этот замысел. Возможно, воплощению его мешало то обстоятельство, что Л. С., человек глубокий, дотошный и многосторонний, хотел сначала сам всё узнать и понять про ту войну. Он много лет изучал историю Отечественной войны, читал сборники документов, мемуары её участников, произведения писателей. Он хотел объединить в своём будущем повествовании реальный ход военных событий, восприятие их скрытого и часто противоречивого смысла обычными жителями страны, проанализировать причины наших поражений и побед, показать, как проявлялись на войне человеческие характеры.

Фрагменты записей, выписки, цитаты и ссылки свидетельствуют, что охват материала был очень широким, однако большей частью они представляют собой заготовки для будущей работы и не могут быть напечатаны в виде статьи.

Текст настоящей публикации, подготовленной Н. А. Тарховой, состоит из трёх частей. Открывает её небольшая статья, написанная к 60-летию победы и напечатанная в своё время в газете научного сообщества «Поиск». Во втором фрагменте развивается тема трагического начала Великой Отечественной войны, отношения обычных людей к утверждению пропаганды о внезапности нападения Германии и о роли руководства страной, прежде всего Сталина, в поражениях нашей армии в первые месяцы войны. Весьма болезненной для Леонида Самсоновича теме напрасной гибели солдат на войне, напрасных, неоправданных человеческих потерь посвящён третий публикуемый фрагмент.

Чего мы не знали и что понимали **(К 60-летию начала войны)**

*«...Слова тревоги и печали
Жгут, словно уголья в горсти.*

*И легче быть за них в опале,
Чем вслух их не произнести...».*

Вадим Шефнер.

Кто может забыть 22 июня 1941 года и не думать об этом! Неожиданное, вероломное нападение Германии на Советский Союз. Неожиданное? Ведь Гитлер в «Майн Кампф» ещё в 1925 году сулил уничтожить большевизм. Мы давно ждали столкновения нашей многонациональной социалистической Родины со страной агрессивного национализма. Противостояние демократии нацизму во время «Испанских событий» 1936–1939 годов стало военным. 50000 человек из 54 стран прибыло в Испанию защищать республику. Помню, с каким напряжением мы следили за этими событиями, как провожали однолеток, едущих в Испанию, каким ударом для нас было сообщение: «Мадрид пал!» (люди плакали).

Неожиданной была не война, а её внезапное начало! Впрочем, к этому времени война уже шла, и Красная армия уже совершала боевые действия, но вне территории СССР.

А неожиданности случались и прежде – да ещё какие! Соратники Ленина, творцы революции и наши вожди, вдруг объявлялись врагами революции. Лучшие полководцы – гордость Родины – оказывались «врагами народа». Но речь не о них, а о начале Великой Отечественной войны.

В один, отнюдь не прекрасный день, 24 августа 1939 года мы (население страны) подверглись очередному насилию и обязаны были отныне верить, что давний и откровенный враг стал вдруг нашим другом: «Вражде между Германией и СССР кладётся конец», а союз между ними не только укрепит добрососедские отношения, но будет «служить делу всеобщего укрепления мира» («Правда», 24 августа 1939 г.). «Укрепление мира» сказало сразу. 1 сентября немецкая армия ворвалась в Польшу с запада, а 17-го сентября советская – с востока. Мы не агрессоры, а освободители западных украинцев и белорусов от польского ига! А «поджигатели войны» и «агрессоры» Англия и Франция 3 сентября объявили войну «миролюбивой» Германии. 30 ноября началась советско-финская война, а 1 декабря было создано «Народное Правительство Финляндии». Считалось, что эта война обеспечит безопасность Ленинграда. Газеты любили цитировать слова 84-летнего Бернарда Шоу, склонного эпатировать общество: «Русские имеют право держать ключи от Ленинграда в своём кармане».

Лето 1940 года. Фашистская армия уже захватила Норвегию, Данию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Францию, капитулировавшую 22 июня. Именно в середине июня части Красной Армии вошли в Эстонию, Латвию и Литву, а затем эти республики «добровольно» присоединились к Советскому Союзу. Сотни тысяч «неугодных» жителей Прибалтики «депортировали», то бишь – ссылали!

Мы вчитывались в газеты, затаив дыхание, слушали радио и были абсолютно уверены, что в случае войны наша несокрушимая Красная Армия быстро одолеет врага, ведь «Красная Армия всех сильнее» (так пели в одной из песен). О войне пели тогда много:

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались
Но мы тоже не сидели,
Того дожидались.

Или:

Мы войны не хотим, но в бою победим,
Ведь к войне мы готовы не даром.
И на вражьей земле мы врага разгромим

Малой кровью, могучим ударом —

вся программа победоносной войны на чужой территории в этих строчках. Мы верили этому. Сам мудрый вождь, гений всех времён и народов, объявил: «Чужой земли не хотим. Но своей земли, ни одной пяди своей земли, не отдадим никому» (в своё время – известный лозунг; пишу по памяти).

Уверенно ставлю множественное число: «Мы верили!» Так же, как и я, думали мои друзья; а самый умный и образованный из них Игорь Дьяконов (в будущем историк, востоковед, филолог) о начале войны писал: «Я и мои сверстники испытывали... подъём: наконец происходило то, чего мы ждали и не боялись... мы не сомневались в быстрой победе» (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 500). Писатель В. Д. Дудинцев, призванный в армию незадолго до начала войны, вспоминал, как эшелон с их полком в июне 1941 г. двигался на Запад для войсковых учений. 22 июня на какой-то станции они узнали о войне: «Хорошо помню, мы все обрадовались. Нападения фашистов давно ждали и были уверены, как сказал Молотов – «победа будет за нами»... высыпав... на платформу, мы кричали «Ура!» А на другой день эшелон попал под бомбёжку...». Журналист М. Шкверин, записавший беседу с Дудинцевым, добавляет: «Теперь уже, вероятно, никто из молодых не поверит, что мы могли радоваться началу войны. Но это было... Мы были абсолютно уверены, что... войну закончим блистательной победой через две-три недели» («Литературная газета». 30 марта 1988. С. 6).

Чем ярче был наш патриотизм, чем крепче мы верили в несокрушимость Красной Армии, тем непонятнее, тем горше была страшная действительность. О военных потерях написано много. А что творилось у нас в душе? Суждено было нам нести три непосильных груза: не думать о судьбе родных и близких, перетерпеть неудачи на своём фронте, а труднее и главнее – наперекор всему верить в победу, в будущее родины!

Проникновенно поведал об этом Александр Исаевич Солженицын в рассказе «Случай на станции Кочетовка». Тоска подобралась к лейтенанту Зотову, «...подобралась... и заскребла. Тоска была даже не о жене, оставшейся с ещё не родившимся ребёнком в Белоруссии...». На Кочетовку падали бомбы и врывались туда немецкие мотоциклисты, строчившие из автоматов. «Но не в Кочетовке было дело, а – почему же война так идет?... Зотов всё время об этом думал и старался не думать». Так ведь и у меня было: родители и жена, ждавшая ребёнка, летом 1941 года оказались в Старой Руссе; а я, сменивший 5 июля 1941 г. аспирантуру на должность врача-краснофлотца минного тральщика, вдруг узнал о немецком наступлении на Старую Руссу, и ничем я родным не мог помочь, и узнать об их судьбе тоже не мог (к счастью, им удалось на открытых платформах покинуть город).

Тральщик, на котором я служил, тоже испытал бомбёжку и обстрелы с самолёта и с берега. Сюрпризом оказались немецкие магнитные мины. В первую декаду войны недалеко от Кронштадта на магнитной мине подорвался недавно построенный крейсер «Максим Горький». Трагедия Страны заслоняла мысли о собственной судьбе и судьбе тральщика. Как-то удавалось уходить от мрачных прогнозов, удавалось «цепляться за надежды». Мы служили победе!

Какими мы были дураками, слепо верившими в быструю победу, понять удалось только через 40 лет. В 1989 году на русском языке впервые были опубликованы в Вильнюсе «Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941» (Далее: «Документы и материалы...»).

Не знали мы, что Гитлер и Сталин тайно договорились о разделе Европы и что в момент подписания этого договора (в ночь с 23 на 24 августа 1939 г.) «Господин Сталин неожиданно предложил тост» за Гитлера: «...мне хочется выпить за его здоровье» («Документы и материалы...». Т. 1. С. 69).

Не знали мы, что в год подготовки нападения Германии на нашу страну из СССР в Германию было отправлено 632.000 тонн зерна и 232.000 тонн нефти («Документы и материалы...»).

Т. 2. С. 163). Значит, советским горючим были заправлены самолёты, бомбившие наши аэродромы и города, и танки, ворвавшиеся в страну и давившие наших солдат, а вражеская армия кормилась нашим хлебом, которого в стране не хватало.

Не знали, что между 19 апреля и 19 июня 1941 немецкие самолёты 180 раз безнаказанно нарушали наши границы и проникали вглубь страны, фиксируя расположение аэродромов (и других военных объектов). Можно ли удивляться, что вражеская авиация в первый день войны уничтожила 1200 советских самолётов, главным образом на аэродромах?

Не могли мы знать, что о готовящемся нападении Германии на СССР многократно предупреждали: Черчилль 3 и 18 мая, военный атташе в Берлине 6 мая, атташе посольства в Лондоне 18 июня и много раз наши разведчики и пограничные службы.

Так для кого же война началась неожиданно? Народ думал о её неминувости. Дипломаты, разведка и обречённые пограничники (погибшие в первые часы войны) знали о предстоящем немецком наступлении. Неожиданной война казалась «гению всех времён и народов». Сталин – успешный мастер лжи и провокаций – подозревал, что «Все такие!», и был уверен, что его обманывают и провоцируют.

Не капиталисты-империалисты виновны в кровавой битве, залившей кровью Европу и сгубившей десятки миллионов людей. Виновно заклеимённое историей единовластие тиранов, вершивших геноцид и одурачивавших народы. Единовластие склонно поработать народ – доколе он терпит иго. К. Маркс писал: «Народ, как и женщина, несёт ответственность за то, что позволяет случайному авантюристу овладеть собой».

Но бывает – терпит до поры, а затем хватает топоры!!!

Как хорошо, что 22 июня 1941 г. мы знали только одного тирана – Гитлера!

Мы – люди (и человечество в целом) двигаемся в своём развитии спиной к будущему – пятимся вперёд. Поглощённые неодолимой злободневностью, творим будущее, не ведая его. Но потом пройденную дорогу можно оглядеть и обдумать былое. И вот теперь я, участник Великой Отечественной войны, гляжу на неё ретроспективно. Вглядываюсь в зародыши кровавых событий и пытаюсь осмыслить их истоки и особенности.

О войне писать трудно – слишком велика трагедия, сильна боль утрат, слишком много вопросов до сих пор остаётся без ответа, слишком много мифов связано с войной в сознании наших людей. Однако многие пишут, думают, ищут ответы...

«Писать о войне трудно... Так же, как описать огромное пространство, у которого нет чётких границ... что такое война знают только те, кто никогда на войне не был. Одна война зимой, другая летом. Одна во время отступления, другая – во время обороны и наступления; одна днём, другая ночью. Одна в пехоте, другая в артиллерии, третья в авиации. Одна у солдат, другая у приехавшего на фронт журналиста», – так сказано в одной из лучших и, по моему мнению, наиболее объективных оценок войны, человеком, которого ещё в 1940 г. призвали на действительную военную службу со 2-го курса университета, и который активно участвовал в ней с первых и до последних дней. Речь идёт о выдающемся филологе, Юрии Михайловиче Лотмане (1922–1993). И особо он отметил: «...нет для меня ничего более смешного, чем рассуждения о том, что Гитлер внезапно и «вероломно» напал. Может быть, только лично Сталин был опьянён тем, что он считал себя очень хитрым, и заставил себя верить в то, что союз с Гитлером устранил опасность войны, но никто из нас в это не верил» (Ю. М. Лотман. Не мемуары // Лотмановский сборник. М., 1994. С. 26). И это не случайное и частное мнение одного Ю. М. Лотмана.

Участник войны, журналист и писатель, добровольно ушедший на фронт, Борис Михайлович Рунин, вспоминает: «Долгое время считалось, да и теперь ещё многие так думают, будто война началась неожиданно. На самом же деле усердно внушавшийся нашей пропагандой пре-

словутый элемент «внезапности» был спущен сверху в качестве оправдания наших катастрофических военных неудач. Свидетельствую, что близость неизбежной войны ощущалась... не только политологами, но и вовсе не искушёнными в вопросах международной политики людьми. Если хотите – даже простыми обывателями» (Борис Рунин. Моё окружение. Записки случайно уцелевшего. М., 1995. С. 94).

О подвигах и доблести участников войны, об их бедах и тяготах написано во множестве мемуаров и в художественных произведениях. Проблема трагических неудач первых месяцев войны, причин отступления нашей армии аж до самой Москвы, неготовности страны к войне – продолжает до сих пор волновать и историков, и простых участников тех горьких и страшных событий.

Вот как вспоминал о событиях начала войны Анатолий Николаевич Казаков, рядовой красноармеец, один из призывников 1921–1923 годов рождения, которых в живых к 1942 году оставалось только трое из сотни, в своих мемуарах «На той далёкой войне» (Звезда, 2005, № 5. С. 55–115). Его дивизия составляла первый эшелон 5-й армии и была расположена в 13 км от государственной границы по реке Буг: «Политрук читал нам передовицы из газет и разъяснял их смысл. А смысл заключался в том, что мы теперь с немцами друзья, что партия Гитлера всё же – социалистическая и рабочая партия, что нас с немцами связывают исторические дружбы. Миша Хачатуров, самый грамотный и начитанный из нас, перечислял этапы «дружбы»: тевтонские рыцари – XIII век, Семилетняя война – XVIII век, Нарва, Псков, оккупация Украины – 1918 год. Сплошная дружба»; «В марте-апреле пограничники наблюдали, а местные жители, навещавшие родственников на противоположном берегу Буга, говорили о постоянном накоплении немецких войск в пограничном районе. Об этом стало известно высшему командованию Красной Армии... С подачи Сталина изобрели тезис: “не поддаваться на провокацию”. Нет ничего лучше формулы “не поддаваться на провокации!”, чтобы связать руки собственной обороне; когда до войны оставалась всего одна неделя, «как бомба прозвучало оглашённое перед строем сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года, в котором утверждалось, что Германия неуклонно выполняет условия договора 1939 года и слухи о её планах нападения на СССР являются провокационными и ложными»» (С. 57, 60).

В 1990-е годы опубликовано много документов по истории войны, многие посвящены её началу. Напечатаны были документы, содержащие довольно ранние предупреждения о планах Гитлера, как например, Записка министра иностранных дел М. М. Литвинова И. В. Сталину от 3 декабря 1935 г.: «Суриц сообщает: “Все мои общения с немцами лишь укрепили уже раньше сложившееся у меня убеждение, что взятый Гитлером курс против нас остаётся неизменным... Все мои собеседники в этом отношении единодушны. У Гитлера имеются три пункта помешательства: вражда к СССР, еврейский вопрос и аншлюс «Политика насильственного присоединения Австрии к Германии, что было осуществлено в марте 1938 г. – Л. С.» (Известия ЦК КПСС, 1990, № 3. С. 211).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.